

18+ Светлана Данилина

Комплимент

Светлана Данилина

Комплимент

«Издательские решения»

Данилина С.

Комплимент / С. Данилина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-675283-2

В книге собраны 35 реалистично написанных рассказов на разные темы, объединённых общими особенностями: занимательной подачей сюжета, неожиданной интригой, интересными психологическими портретами непохожих героев, оптимизмом, тонким юмором, обращениями к классической литературе, богатством языка.

ISBN 978-5-00-675283-2

© Данилина С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Комплимент	8
На реке Аа, или Какая неожиданность!	13
Серость. Мурлость. Полосатость	19
Он же Гога, он же Джордж...	23
Слётыш	25
Пляжный пассаж	29
Ну, артисты!	32
Закат солнца на берегу моря	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Комплимент

Светлана Данилина

© Светлана Данилина, 2025

ISBN 978-5-0067-5283-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В книге «Комплимент» собраны 36 рассказов, объединённых общими особенностями: занимательной подачей сюжета, неожиданной интригой, интересными психологическими портретами непохожих героев, оптимизмом, тонким юмором, обращениями к классической литературе, богатством языка.

Основное внимание сосредоточено на создании психологических портретов главных героев, находящихся в обычных жизненных ситуациях. Это люди с яркими и непохожими друг на друга характерами, представители разных профессий, социальных слоёв, возрастных групп, с разным житейским опытом и отношением к жизни.

Рассказы написаны в реалистической манере.

Светлана Данилина – автор 9 книг: «Коллекция характеров», «Коллекция характеров. Sequel», «Всё та же коллекция», «Портреты, прелести, причуды», «Конференция», «Гуманитарная миссия», «Арт-галерея», «Комментарии к частным беседам», «Комплимент».

Автор – лауреат второй премии «Народный писатель» по выбору экспертов 2013 года, лауреат первой премии «Народный писатель» по выбору экспертов 2015 года.

Произведения Светланы Данилиной вошли в «Золотой фонд» премии.

Тексты пользуются большой популярностью у читателей и получают многочисленные отзывы.

Предисловие

...И таких маленьких, но поразительных мелочей я мог бы привести сотню... Все мы проходим мимо этих характерных мелочей равнодушно, как слепые, точно не видя, что они валяются у нас под ногами. А придёт художник, и разглядит, и подберёт. И вдруг так умело повернёт на солнце крошечный кусочек жизни, что все мы ахнем. «Ах, боже мой! Да ведь это я сам – сам! – лично видел. Только мне просто не пришло в голову обратить на это пристального внимания»...

А. И. Куприн

Случалось ли вам видеть воплощение мечты?

Мечты – вашей собственной, но претворённой в жизнь кем-то другим, причём лучше, – полнее и совершеннее, – чем это могли бы сделать вы сами?

Мечты, воплощённой мастерски.

Для меня таким воплощением задумки о некой галерее образов, персонажей стало неожиданное и чрезвычайно обогащающее знакомство с прозой Светланы Данилиной, выпустившей к моменту нашей встречи уже два сборника рассказов и повестей: «Коллекция характеров» и «Коллекция характеров. Sequel». Немногим позже мне посчастливилось стать одним из первых читателей других её книг – «Всё та же коллекция», «Портреты, прелести, причуды», «Конференция», «Гуманитарная миссия», «Арт-галерея» и «Комментарии к частным беседам».

Филолог, журналист и редактор, прозаик, лауреат сетевой премии «Народный писатель» 2013 и 2015 годов в номинации «Выбор экспертов», неоднократный финалист премии «Писатель года», член коллегии экспертов премии «Народный писатель – 2016», дипломант премии «Наследие – 2017», знаток и тонкий ценитель мировой и русской литературы, как современной, так и классической, Светлана Данилина является продолжателем лучших традиций последней. Все её произведения написаны в классической манере, великолепным русским языком.

Автор предстаёт перед нами как истинный художник слова, на полотнах которого нет ни одной лишней детали, чьи работы не перегружены, не тяжелы для восприятия: все краски в них свежие и яркие, все тона и оттенки светлые, лёгкие, тёплые. Всё необычайно живо, по-настоящему. Все произведения глубоко психологичны – герои и ситуации, в которые они попадают, узнаваемы.

В прозе Светланы мы не найдём каких-либо конкретных, срисованных с действительности персонажей, – все образы собирательные. Однако, погружаясь в атмосферу любого из произведений, читатель начинает припоминать: да-да, так и было!.. Каким-то чудом автору удаётся извлечь воспоминания о людях и событиях не только из своей творческой копилки, но и из копилки памяти читающего. Это делает прозу Светланы Данилиной необыкновенно близкой широкому кругу читателей.

Нет в её работах и откровенных шаржей или карикатур. Автор не ставит перед собой целей «обличать» и «бичевать». Писатель – художник слова, мастер, который просто делает своё дело: пишет. Описывает, выписывает – тщательно, правдиво, но в то же время незлобливо, что в наш век уже само по себе редкость.

Лаконичность повествования и неожиданная развязка, узнаваемость персонажей, добродушный юмор и сочувствие героям сближает работы Светланы с короткими рассказами А. П. Чехова раннего периода творчества. Таковы её рассказы «Кошелёк», «Чудодейственное средство», «Ода бетономешалке», «Умытое утро», «Призма, вписанная в сферу», «Пар из-под крышки», «Бегство от монитора», «Зимние забавы», «Днём с огнём», «Судак из Осетра», «Затейник», «Стажёр», «За зайцами, или Привет Хейли», а также вошедшие в настоящий

сборник «Комплимент», «Он же Гога, он же Джордж», «Ну, артисты!», «Да куда ж тебе!», «Пляжный пассаж».

Любование людьми и природой, наличие «жанровых сценок», глубокая и искренняя народность произведений делает их близкими творчеству Н. В. Гоголя в ранний его период. Это такие рассказы как «Фольклорная практика», «Первый закон Ньютона», «Морской пейзаж», «На родину», «Гуманитарная миссия», «Свет с небес», «Любимка», «Запомни, Саня!».

Некоторые сюжеты Светланы напрямую отсылают к тому или иному шедевру мировой литературы, ведут с ним своеобразный диалог, тем самым приближая и открывая нам классику с новой, подчас неожиданной стороны, а также приглашая нас по-новому взглянуть на современность. Таковы её «Аллюзии, или Воспоминания о миргородском гусাকে», «Поэтические пародии», «Мечта цвета неба», «Загадка псевдонима».

Проза Светланы Данилиной – это богатство живописных приёмов и великолепное ими владение, это ясность мысли и безукоризненная чистота языка. Знакомство с очередной книгой талантливого автора подобно глотку свежего воздуха, а погружение в чтение дарит отдых душе. Все работы Светланы способны порадовать слух и глаз самого искущённого и взыскательного читателя, критика; а собрата по перу ещё и вдохновить на дальнейшее творчество.

«Комплимент» – так называется этот, девятый по счёту, сборник, который мне выпала честь здесь представить. Всего в книгу вошло более тридцати рассказов.

Окунитесь в чтение, погрузитесь в него – и, быть может, вы узнаете себя или кого-то из близких... Ну, или не очень близких знакомых.

Поверьте, в этом тоже есть своя, особая прелесть! Ведь всё выписано автором-живописцем не просто искусно, а с большой любовью, – и не только к русскому языку и литературе, но – и это прежде всего! – к человеку.

*Нина Русанова
филолог, переводчик, редактор,
поэт, член Российского союза писателей*

Комплимент

Наталье Алексеевой (Черсковой) с благодарностью за вдохновение

*Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок...
И. А. Крылов
«Ворона и лисица»*

Солнце, солнце, солнце.

Майское солнце всюду – в небе, в воздухе, в тысячах искрящихся в зелёной траве одуванчиков, на лицах, в оконных проёмах, в стёклах проезжающих мимо школы машин и автобусов, в виде солнечных зайчиков на партах, за которыми сидят ожидающие каникул ученики.

Все понимают, что осталось совсем немного, – и вот они три летних месяца – без ранних подъёмов, без приготовления уроков, без теорем и упражнений, без звонков, школьной формы, сменной обуви и чинных прогулок по коридорам на переменах.

Потому настроение у всех легкомысленное. Учиться никому не хочется. Равно как и учить.

И программа тоже купается в этом лёгком восторженном настроении. В основном идёт повторение пройденного, отчего и отношение к урокам у большинства учеников поверхностное.

Тема сегодняшнего урока русского языка – «Восклицательный знак». Тема чудесная – сплошные эмоции. А в весеннем солнце – ещё и восторженные.

Именно так и рассказывает учительница, приплюсовав информацию к настроению.

В голове её настойчиво бьётся одна мысль, сформулированная Александрой Витальевной сугубо для личного употребления: счастье – это ожидание каникул, это май.

Восклицания «Ах!», «Ух!», «Эх!» замечательно звучат и обещают летнее солнце, весёлое ничегонеделание и беззаботное, ничем не омрачённое дуракаваляние, равно как и счастливое наплевательское баклушебиение.

В этой благостной атмосфере и говорит учительница и о восклицательных предложениях, и о проявлении разных эмоций.

В шестом классе у Александры Витальевны сегодня два урока – сначала русский язык, а после большой перемены с обеденным перерывом – литература. Восхитительный Иван Андреевич Крылов с его вечными и непревзойдёнными баснями. Интересно и увлекательно, гениально и красочно. На таком уроке никто не заскучает.

Учеников своих Александра Витальевна искренне любит, несмотря на трудности начинающегося подросткового возраста. Шестой класс к лету – это вам не четвёртый в сентябре или десятый в конце мая. Стремление к самоутверждению, амбиции, упрямство, бунтарство, зашкаливающая вредность, желание выделиться, поверхностное отношение к учёбе – всё неожиданно и неизвестно откуда взялось и сорняками прорастает в юных несформировавшихся характерах.

Любое слово может совершенно необъяснимо восприниматься болезненно.

Рядовыми становятся диалоги вроде:

– Отвечать пойдёт Раззубов.

– Меня зовут Эдуард! – с укоризненно-вызывающими интонациями.

Александра Витальевна объясняет тему урока и в качестве иллюстрации приводит красивые примеры, стараясь максимально приблизить их к тому, что звучит и на других её уроках.

Вот и сейчас учительница, стремясь увязать всё с предстоящим после обеда уроком литературы, приводит пример употребления восклицательного знака – яркий и эффектный, классический, хрестоматийный.

Басню о вороне, лисице и переходящем куске сыра дети должны были выучить к сегодняшнему дню. На следующем уроке литературы, как раз после обеда, будут её отвечать.

«Ну что за шейка, что за глазки!

Рассказывать, так, право, сказки!

Какие перушки, какой носок!

И, верно, ангельский быть должен голосок!» – театрально цитирует крыловский текст учительница, хитро глядя на класс. Мол, вы всё это уже знаете. Посмотрите, как ловко и легко можно увязать цитату с новой темой. Куча эмоций и восклицательных знаков!

И в тот замечательный момент, когда она делает паузу, с первой парты раздаётся восхищённый голос Эдика Раззубова:

– Ой, Александра Витальна! Да вы стихами заговорили!

Но сказанного ему кажется мало, и он удивлённо добавляет:

– И вы это вот так сразу прямо сейчас придумали? Или раньше написали?

Александра Витальевна на мгновение теряет дар речи.

Но прежде чем она приходит в себя, Эдик всё в том же порыве продолжает:

– Да у вас талант! Вам стихи писать надо! И книги издавать!

Со второй парты, из-за спины Эдика, слышится язвительный смешок и вразумительный громкий шёпот.

– Дурак! Это Крылов! Нам его выучить задали! – вводит любителя комплиментов в суть провала всезнающая Сабиночка.

Затем следует коллективный дружный взрыв хохота.

Солнце за окном перестаёт быть ласковым и благодушным, превращаясь в бесцеремонно-навязчивое и безжалостно-палящее. Эдика как будто влёт окатили ледяной водой. Уголки его губ мгновенно опускаются, на лбу выступают мелкие росинки пота, и чёлка сразу становится мокрой.

«Вот попал, так попал», – комментирует про себя Александра Витальевна.

Она видит комизм ситуации и тоже внутренне хохочет.

Однако показать этого ей никак нельзя – надо держать лицо. Как учительница она должна возмутиться – басни Эдик явно не выучил и даже не удосужился прочитать. Да и на прошлом уроке, несмотря на присутствие, явно занимался чем-то посторонним, думая отнюдь не о восседающей на ёлке пернатой чёрно-серой любительнице комплиментов и не о хитроумной коварной рыжей бестии, и никак не о злополучном лакомом для обеих куске сыра.

Александра Витальевна, как того требуют профессиональные правила, меняет интонацию:

– Это, вообще-то, Иван Андреевич Крылов придумал в начале XIX века! А ты должен был выучить наизусть и на следующем уроке рассказать!

Она видит виноватую расстроенную физиономию и понимает, что прошлый урок на минувшей неделе для Эдика Раззубова прошёл даром, ведь басню они подробно и основательно разбирали. Но всё это благополучно необъяснимым образом проплыло мимо, бесследно просочившись через разлапистые уши невнимательного Эдика.

– Тебе сейчас двойку поставить или после обеда? – деловито спрашивает Александра Витальевна обескураженного собственной неловкостью и со страхом осознавшего своё падение в лужу шестиклассника.

– Ой, не надо сейчас! Я после обеда отвечу, – умоляющим голосом частит Эдик и для вящей убедительности добавляет. – Честное слово! Честное-пречестное!

– Что, прямо за час и выучишь? – недоверчиво спрашивает Александра Витальевна.

– Выучу! – с готовностью и энтузиазмом уверяет её во всю щёку раскрасневшийся, пышущий жаром и убедительностью Эдик.

Александра Витальевна смотрит на его пошедшее малиновыми пятнами лицо и вспоминает своего школьного учителя физики и астрономии Алексея Елисеевича.

– Ну что ж! – говаривал Алексей Елисеевич, выслушав нечленораздельное меканье и беканье вызванной отвечать одной из десятиклассниц – девчушек-хохотушек – Аллочки и Анечки.

– Ну что ж! – неторопливо произносил он. – Девочка ты, Аллочка/Анечка хорошая! Поставим тебе три!

И было ясно, что Алексей Елисеевич прекрасно понимает, что не нужны ни Аллочке, ни Анечке, сидевшим за своей последней партой у окна, никакие Бойль вместе с Мариоттом, равно как и Джоуль с Ленцем, что никогда в жизни не пригодится им закон Гей-Люссака, да и на звёздное небо они посмотрят только на первом свидании, ну, может быть, на втором, но уж никак не вспоминая о парсеках и алголях. А само упоминание правила буравчика вызовет у обеих приступы неудержимого, до слёз, залихватого хохота и повергает обеих в неостановимую истерику.

Есть такие девчушки, готовые при встрече хохотать над чем угодно и тем самым заряжать пространство вокруг себя весельем и ничем неукротимым оптимизмом. Казалось бы, над чем можно беспрерывно смеяться целыми днями?

А им просто хорошо! Им весело жить на белом свете! И они хихикают, едва взглянув одна на другую. Вот зачем пресекать эти благие детские привычки? Зачем девчушкам в блузочках с трогательными рюшечками помнить, что при постоянном давлении объём постоянной массы газа пропорционален абсолютной температуре, как утверждал вышеупомянутый Гей-Люссак? Пусть лучше учатся печь румяные пирожки с капустой и булочки с корицей! Окончат они через год школу и, даже не подумав об институте, повыходят замуж и нарожают очаровательных здоровеньких девчушек и мальчишек.

А потому, сдвинув очки на кончик носа и оторвавшись от журнала, смотрел Алексей Елисеевич на последнюю парту и произносил свою обычную философски-мудрую сентенцию:

– Ну что ж, Аллочка/Анечка! Девочка ты хорошая! Поставим тебе три!

Вот и Александра Витальевна вспомнила сейчас этот добрый послыл.

– Ну что ж, Разубов! – с интонациями незабвенного Алексея Елисеевича произносит она. – Учи Крылова! – и добавляет. – Умеешь ты комплименты говорить!

– Главное, что искренние, а не корысти ради, – тихонько бормочет она вдогонку.

Раздаётся долгожданная громкая трель звонка, и пространство в одночасье меняется.

– Урок окончен, – говорит Александра Витальевна, обращаясь к вскочившим со своих мест ученикам, – идём в столовую, и я жду вас после обеда.

– Спасибо, Александра Витальевна, – скороговоркой выпаливает Эдик и вместе с одноклассниками бежит обедать.

После большой перемены на уроке литературы учительница решает дать фору неловко севшему в галошу Разубову, а потому не спрашивает его сразу и начинает с беседы о лестии, комплиментах, простодушной и самоуверенной вороне и лицемерной лисице. Потом она вызывает отвечать басню Сабиночку, и та отчётливо и образцово-показательно отчеканивает строфу за строфой.

Александра Витальевна всё это время поглядывает на Разубова – тот использует возможность всю, перечитывая басню по учебнику и слушая её в высокохудожественном исполнении отличницы.

«А теперь послушаем начальника транспортного цеха», – смеётся про себя учительница, выставляя умнице Сабиночке пятёрку.

– Ну что ж, Разубов, – говорит она, – твой час настал! Или кто-нибудь ещё хочет рассказать басню?

Она подспудно помогает бедному Разубову, надеясь, что очередное прослушивание текста окажет на него благоприятное воздействие.

С последней парты решительно поднимается рука капитана футбольной команды, в которой Эдик самоотверженно стоит на воротах, – серьёзного и ответственного Игоря.

Учительница оценивает инициативу друга, бросающегося на амбразуру с целью оттянуть час расплаты для Эдика. Будут неуды в команде, и её не допустят к соревнованиям – тренер суров!

Она вызывает к доске Игоря, и тот очень старательно, с правильными интонациями, красиво рассказывает басню.

Александра Витальевна ставит герою, закрывшему собой товарища, пятёрку и вопросительно смотрит на Эдика.

Тот кидает последний взгляд на страницу учебника, тяжело вздыхает и выходит к доске.

Он волнуется. Но начинает довольно бойко и прочитывает первые строки вполне сносно, хоть и поспешно, автоматически и без выражения. Затем декламация замедляется, перемежается запинками и продолжительными вскидываниями глаз к потолку.

Одноклассники горят азартом и желанием помочь. Во время пауз и мучительных воспоминаний первых слов в начале строк чтец прислушивается к затаённым, но весьма ощутимо слышимым подсказкам со всех парт. Сотоварищи с замершими сердцами следят за спектаклем, больше напоминающим спортивный забег, и болеют за одноклассника.

Александра Витальевна не пресекает подсказок, она понимает, что нет лучшего повода и пути для воспитания коллективизма, товарищества, поддержки и единения.

А потому делает вид, что не замечает беззвучно открывающихся ртов болеющих за Эдика одноклассников, а также не слышит азартного шёпота, когда Эдик долго изучает потолочные лампы, вспоминая начало строки и неуверенно мыча что-то нечленораздельное.

– Вещунья... – приглушённо по всему классу звучит коллективная подсказка во время очередной затянувшейся паузы.

Эдик, хватаясь за брошенный ему одноклассниками спасательный круг, подхватывает:

– Вещунья с похвал вскружилась голова.

По мере приближения к окончанию добровольно выбранной экзекуции Эдик проникается самоуверенностью. Произнесённое скороговоркой, с прерывающимся дыханием, долгожданное окончание басни звучит бравурно:

– Ворона каркнула во всё воронье горло:

Сыр выпал – с ним была плутовка такова.

Выпалив концовку громко и одним махом, Эдик с чувством выполненного долга и освобождения облегчённо выдыхает и всей пятернёй закидывает на макушку распавшуюся на мокрые пряди чёлку.

Класс затаивается и ждёт учительской реакции – Эдик всё выучил и рассказал, пусть с запинками и без должного выражения, но на следующем уроке.

Александра Витальевна представляет, как он, преодолев марафонскую дистанцию, обрывает финишную ленточку.

«Уговор дороже денег», – думает она.

– Ну, друзья мои, и что мы поставим Разубову? – улыбается и спрашивает Александра Витальевна, глядя в двадцать пар широко распахнутых глаз:

– Пятёрку, – убеждающе кричит с первой парты верный друг бенефицианта ярко-рыжий Славик.

– Какая же это пятёрка? – размышляет и спрашивает учительница. – Вот смотрите: задание дома не выполнил. Запинался, начало строк забывал.

- Да, – разочарованно и на пониженных нотах проносится по классу.
- Минус балл, – говорит Александра Витальевна и продолжает. – А рассказывал с выражением?
- Нет, – в унисон печально летит по партам констатация неоспоримого факта.
- Минус ещё балл, – справедливо подводит итог учительница и обращается к Эдику. – Тройка тебя устроит?
- Ой, не ставьте, пожалуйста, тройку, – сразу находится Эдик, – я завтра вам всё на пятёрку отвечу.
- Ну что, дадим шанс? – спрашивает учительница класс.
- Дадим! – вразнобой слышится с разных парт.
- «Этот мальчик нигде не пропадёт», – думает Александра Витальевна и соглашается выслушать басню на пятёрку завтра.

На реке Аа, или Какая неожиданность!

*Гомер такой же слабостью страдал;
Поэту подобает быть болтливым...*

*Джордж Гордон Байрон
«Дон Жуан»
Песнь тринадцатая
74 строфа*

Когда, дражайший собеседник и читатель, вы подъезжаете к славному старинному городку М., то оказываетесь посреди незабываемых пейзажей. Мало того, что картины эти восхитительно красивы, они представляются вам ожившими и источают медовые душистые ароматы трав, жужжат пчёлами и шмелями, ласкают вас мягкими речными покачиваниями и прикосновениями мягкой травы к вашим босым ногам.

Слева к дороге примыкают небольшие уютные живописные ответвления, обсаженные ровными рядами старинных и раскидистых где дубов, где лип, где берёз. И вам так и хочется свернуть на жёлтую утрюмбованную автомобильными колёсами уютную красавицу-дорогу, которая непременно приведёт вас туда, где вам будут рады.

Так вот, не сдерживайте благих порывов и, едва не доехав до автобусной остановки, непременно сверните налево. Вы не пожалеете – преодолев каких-то полкилометра мягкой грунтовки, совсем недалеко от оставшегося за спиной шоссе вы окажетесь в совершенно другой атмосфере. Дорога сама подтолкнёт вас к дому, идилично стоящему посреди зелёной лужайки, источающей свежий сладкий запах недавно скошенной молодой травы. Метрах в десяти напротив входной двери вы увидите роскошный куст, усыпанный цветущими карминными розами. За находящейся неподалёку низкой изгородью простираются аккуратные, чисто прополотые, строго параллельные грядки, высится пара теплиц на полукруглых белых обручах, а вдали ровно расставлены жёлтые ульи, разрисованные забавными фигурками Винни Пуха и разнообразных трудолюбивых пчёл в полёте.

Не факт, что хозяин в сей момент ждёт вас. Вы могли позвонить ему вчера и попросить накопать к утру червей, могли и вовсе без предупреждения, путешествуя, просто заехать полюбоваться на широкую реку с удивительным никем ныне не употребляемым именем Аа. Коротко взглянуть или внимательно осмотреть и попробовать готовность разных рыб клевать на ваши удочки.

Вы остановитесь возле дома и найдёте на садовом столике возле беседки приготовленное для вас ночью ведро с землёй и заказанными для наживки беспозвоночными. Сам хозяин уже давно, в свете ночных звёзд, уехал на работу – вы не застанете его теперь. Но в течение дня, скорее всего, ближе к вечеру, он обязательно появится. Возможно, даже с небольшой банкой янтарного, прозрачного в солнечных лучах, недавно накачанного мёда. Так вы окажетесь в чарах широкой русской души, человеческой красоты и гостеприимства. И хотя мёда вы не любите, но на сей раз сделаете то, к чему никогда не могли себя принудить, – вы намажете этот тягучий янтарь на кусочек ржаного хлеба, запьёте чёрным горячим чаем из термоса – и вам понравится!

Но вернёмся в тёмное ещё «нераспустившееся» утро. От глубоко спящего дома вы сможете проехать по давно известной (ибо бываете здесь нередко) дороге, предаться созерцанию утреннего великолепия, чтобы забросить удочки со скамеечки, стоящей на уютных мостках, и погрузиться в природную гармонию. Или пройти босиком по утренней летней росе большого засаженного розовым клевером поля.

Река Аа, ныне существующая под другим названием, неторопливо течёт в сторону моря и кажется благодушно-успокаивающей. Она как будто слегка покачивает вас на своих волнах и ласково баюкает, умиротворяюще напевая пару нот своего музыкального имени – Аа-Аа-Аа-Аа – и так до бесконечности. Хотя иногда, уже днём или ближе к вечеру, её покой нарушается ритмичным свистом вёсел тренирующихся байдарочников, лёгким рокотом моторной лодки их тренера с мегафоном в руках, дающего подопечным стимулирующие команды.

Или услышите вы тяжёлый свист крыльев пролетающей низко над рекой, совсем недалеко от вас, пары белых лебедей с вытянутыми в струнку длинными шеями, направляющихся куда-то в пойменные луга, а потом возвращающихся обратно.

Однако мы отвлеклись. Вернёмся же в ночь – на две пробитые среди травы колеи, ведущие вас по прекрасной латифундии.

Ваш путь празднично освещён многочисленными россыпями звёзд. Вы медленно двигаетесь мимо поля, мимо леса. Затем в свете фар появляется горка, на которой растут высокие дубы, липы и берёзы. Дорога поворачивает, а тьма начинает потихоньку рассеиваться. Вы объезжаете горку и останавливаетесь напротив едва приметных тропинок, ведущих в разные стороны. Крутая левая – вверх на горку, пологая правая – немного вниз к реке. Выйдя из машины, вы немедленно оказываетесь в объятиях предутренней свежести и чистоты.

В едва проклёвывающихся сумерках, когда ещё не успели окончательно спрятаться в слегка посветлевшем небе бледнеющие звёзды, вы наконец видите неподалёку высокие заросли камышей и за ними реку с древним названием Аа.

Всезнающая Википедия уверяет, что на европейском пространстве существует немалое количество рек, упорно, однотипно и бесфантазийно называемых местным населением словом Аа. Похоже, что носители разных языков не слишком утруждали себя, величая всё, что течёт, коротким дифтонгом. Больше всего этих потоков в Нидерландах, где в наличии имеются целых 44 реки Аа. Они протекают и во Франции, и в Германии, и в наших краях – тоже не в единственном числе. Старинные карты хранят названия Курдландской и Лифляндской Аа.

Источник утверждает, что топоним восходит к древнегерманскому *aaha*, называвшему так воду, упоминает он и о славянском «а», обозначавшем поток воды.

Но оставим вопросы гидронимики. В данном случае всё познаётся эмпирическим путём. Ведь только войдя в эту реку в хорошую погоду, улёгшись на воду, широко раскинув руки и покачавшись в мягких объятиях волн, можно понять истинный смысл названия: река качает – вправо-влево или вверх-вниз – всех и всё, что погружено в неё. Именно так назвал её древний человек, ещё толком не умевший говорить и не имевший для этого ни слов, ни языка, а выражавший свои ощущения короткими звуками. Но смысл можно понять и почувствовать, оказавшись во власти этого мягкого колыхания – Аа-Аа-Аа. И только так передать свой восторг перед её силой и мощью.

Но опять же – вернёмся в ночь. Сначала вам предстоит встречать рассвет в поле у реки.

Едва только вы выходите из машины, как на вас набрасывается целая стая голодных комаров.

Комары в этих местах, хоть и назойливы, но не слишком агрессивны и кровожадны. Вы вспоминаете неудачные пикники на обочинах, например, невдалеке от поворота на деревню Печёнки или возле Старой Торопы в России. Автор не может не оставить в памяти потомков упоминание о них, ибо это были крупнокалиберные гигантские звери! Кажется, они набрались патриотического опыта ещё в эпоху изгнания незваных пришельцев в лице поляков, французов и немцев. Ген наполеонененавистничества и неприятия чужаков, а также коллективный порыв к атаке и изгнанию посторонних укоренился и процветает в этом кровососущем сообществе.

В отличие от тех забываемых монстров, комары на ласковой реке Аа спокойны и незлобны. Насекомые, конечно, организованно набросятся на вас всей стаей, но с ними

вполне можно мириться – они какие-то не слишком активные и к тому же мелкие и мягкие. Впрочем, иногда их тоже бывает слишком много.

Совсем необязательно, что выйдя из машины, вы сразу отправитесь со своим спутником на мостки со всеми наживками и снастями. В конце концов, рыболовство – не женское дело. Но места в виде двух самодельных деревянных кресел на помосте достаточно много. И вы останетесь сидеть над водой в тихой праздной беседе.

Хотя вы приехали сюда отнюдь не ловить рыбу, а просто составить компанию и полюбоваться природой. В конце концов, вы можете даже незаметно уснуть в машине, потому что подъём в четыре часа утра не способствует бодрствованию. Если только вы не одержимы рыбацким азартом. А вы не одержимы.

Но совсем необязательно вы уснёте в такой момент – сейчас перед вами стоит задача снять восход солнца.

Когда-то вы поняли, что этот сюжет будет несчётное количество раз повторяться на ваших снимках.

Вы готовы фиксировать его и в телефоне, и фотоаппаратом – каждое мгновение траектории выползающего из-за деревьев светила.

Казалось бы, процесс это медленный и солнце должно быть неторопливым. Однако на самом деле оно стремительно меняет своё местоположение, перемещаясь вверх слева направо – буквально выпрыгивая и взлетая – от нижних ветвей до верхушек дальних деревьев. Порой кажется, что вам не угнаться взглядом за каждым новым мгновением этого бурного и ничем не остановимого восхождения ввысь. По мере подъёма диск из едва светло-жёлтого становится ярко-алым, растёт и со сногшибательной скоростью увеличивается в размерах. И если сначала вы могли легко смотреть за его методично выверенным взлётом, то вскоре отмечаете, что не в состоянии даже взглянуть на огнедышащий шар. Здесь вы явственно ощущаете, с какой космически бешеной скоростью вращается всё во Вселенной. И ещё боитесь упустить каждое мгновение этого форсированного подъёма.

Неожиданно высоко в небе прочеркивает свой тонкий белый инверсионный след пролетающий куда-то на запад самолёт. Вы представляете себе предутренний вылет невыспавшихся пассажиров из рижского аэропорта, наполовину выкуренные и затушенные перед взлётом сигареты, которые пилоты, спустя несколько часов, докурят после посадки где-нибудь в Гётеборге или Лондоне – традиция!

Но вот окончательно рассеивается лёгкая дымка или туман (в зависимости от сегодняшней погоды). Бесследно исчезают местные либерального нрава комары.

На траве начинают посверкивать бриллинтовые капли росы. А целое, до каждой травинки, насквозь мокрое поле превращается из сизовато-влажного в сверкающе-алмазное, наслаждается и блестит в щедрых тёплых лучах, которые становятся всё горячее и горячее. И весь пропитанный обильным утренним конденсатом зелёный ковёр с розовыми цветками сочного мясистого клевера греется и постепенно высыхает, обласканный солнцем.

Хочется верить, что автор ещё не утомил читателя восторгами и видами на небо и гектар поля в перспективе.

Посреди поля растёт красивый молодой невысокий крепкий дуб. Когда вы в первый раз приехали сюда в жаркий июньский полдень, то не могли оторвать от него глаз – настолько живописной была картина. Широко и степенно раскинув многочисленные симметричные ветви, он одиноко стоит под голубыми, в белых облаках, небесами, поднимаясь из скошенной травы. Поле, усыпанное скрученным в продолговатые брекеты-рулоны июньским сеном, напоминает о сюжете из «Ну, погоди!» Иногда сюда прилетает аист и начинает бродить между санными тюками в поисках лягушек. Вид чарует вас, и вы начинаете щёлкать фотоаппаратом, приближая и удаляя изображение, ищете красивые ракурсы, переходите на разные режимы. Даёте себе слово снимать этот дуб всякий раз, когда будете приезжать сюда.

Вы и делаете это, восхищаясь его красотой и жизнеутверждающей статью. Дерево с раскидистыми ветвями всегда дарит эстетическое наслаждение.

Вам всякий раз вспоминается толстовский дуб, всколыхнувший размышления и надежды Андрея Болконского. Но ваш дуб, в отличие от того классического, проснувшегося по весне старика, молод, здоров и силён, прекрасен и подаёт большие надежды. Ваш знакомец ещё слишком не по-толстовски юн, но вы предвосхищаете и видите его грядущее могущественное величие, пока не проявившуюся державность, задорную юношескую самонадеянность и богатырское будущее. Ему вольготно живётся и растётся под огромным июньским небом, посреди широкого поля, недалеко от реки с колыбельным именем Аа.

Между тем закон утренней зорьки вступает в действие и река тихо и щедро дарит вашему спутнику пару двухкилограммовых лещей.

На берегах реки Аа замечательно поётся – только надо отойти подальше от места рыбодобычи. Так, глядя на спокойные воды можно негромко, неторопливо, легко и весело взбираться голосом по нотному стану – «Из-да-ле-ка дол-го течёт ре-ка Вол-га». И утраченный от последствий ковида голос медленно возвращается к вам.

Сидя на раскладном стуле и глядя на реку, вы вспоминаете статьи из вашего журнала, рассказывающие о событиях, происходивших в этих местах в прошлом. Вы смотрите на спокойное течение, слушаете плеск крупных и не очень рыб и недоумеваете: когда-то лет сто назад в этих мирных водах – обиталище сомов, угрей, жереха и судаков – ходили воинственные флотилии захватчиков. Вам вспоминаются имена авторов статей, номера журналов и чёрно-белые иллюстрации. Каждая статья внимательно вычитывалась вами по несколько раз – на уровнях решения о печати, пару раз на предмет корректировки и редактирования и пару раз в макете. Так что исторические факты о реке глубоко сидят в вашей памяти. Однако реальность совершенно не вяжется с минувшими катаклизмами, так они далеки. Всё осталось в давнем прошлом. И ретроснимки начала минувшего века совершенно не компануются с тем, что находится перед вами. Например, с большим зелёным трактором, скашивающим траву на противоположном берегу. Не увязываются они и с бесшумно появившейся на зеркале воды лодкой незнакомого словоохотливого рыболова, который, проплывая мимо, интересуется уловом и сообщает о полуторакилограммовой щуке, которую буксирует за собой. Не совмещаются они и с легкомоторным самолётиком, тихо рокочущим под белыми ватными кучевыми облаками. Или со стаями белых чаек, целеустремлённо летящих в сторону моря.

Вам вспоминается и Михаил Клодт, живописавший эту реку ещё в XIX веке.

Не утомил ли вас, о, читатель, словоохотливый автор? Вам ещё хочется читать дальше?

«Дык вот!», как говаривала наша незабвенная преподавательница синтаксиса и обладательница профессорского звания, подводя итог сказанному и переходя к новой порции лингвистической информации.

Совершенно упоительно пребывание на берегах реки в проливной дождь, когда, оставив попытки переждать поначалу невинную мелкую морось, вы, осознав свои легкомысленность и наивность, впопыхах собираете вещи и бежите с ними к машине под толстыми, в верёвку, струями и ждёте окончания ливня. Ваше пристанище похоже на батискаф, погружённый в водную пучину. В какой-то момент становится ясно, что дождь зарядил надолго и не собирается прекращаться, а вам надо сматывать удочки во всех смыслах этого фразеологизма и уезжать из чудесных мест, пока всё не затопило. Высунуть нос из машины под потоки грандиозного и беспощадного небесного водопада нет никакой возможности. По стёклам текут обильные мощные ручьи, и ничего нельзя разглядеть снаружи. Перед собой вы можете видеть только пару жёлтых стаканчиков от термоса, стоящих на передней панели перед запотевшим стеклом. Прячась в спасительном прибежище, вы получаете удовольствие от приключения и неожиданно возникших препятствий в ожидании момента, когда станет окончательно понятно, что скорого конца катаклизму не предвидится и пора покинуть дивные сказочные берега реки Аа.

Но чаще вы попадаете сюда в хорошую погоду. Тогда, оставив мужа рыбачить, вы можете гулять по полю или устроиться на самой макушке горки, на площадке с огороженным местом для костра, с заготовленными аккуратно сложенными жёлтыми осиновыми поленьями для следующего пикника. Рядом стоит вкопанный в землю широкий, рассчитанный на большие компании, дощатый стол со скамьями, где хозяин со своими гостями любит устраивать посиделки. Иногда друзья приезжают сюда порыбачить на выходные. Они ставят палатку, ловят рыбу, варят уху и жарят шашлыки. В ветвях дуба над столом иногда можно увидеть забытый привязанный электрический фонарик. Плато окружено заборчиком, искусно сплетённым из гибких веток. Отсюда открывается магнетический вид на окрестности, на реку, на противоположный берег, на пойменные луга.

За этим роскошным, ставшим серебристым от солнца и дождей, столом вы тоже устраиваете завтраки и обеды, которые проходят довольно быстро, потому что снизу с мостков всё время раздаётся призывно-назойливый звон колокольчика, извещающего об очередной поклёвке. А вы в душный солнечный день, находясь под защитой дубовых веток, можете не торопиться и почитать книгу или поразгадывать кроссворды. Как автору вам кажется, что это то место, которое способно подарить вам вдохновение. Так и представлялось вам дома, как хорошо будет писаться от руки в тетради, лежащей на дубовом столе. Но нет! В картинном уголке, вопреки всем мечтаниям и планам, совершенно не пишется – окрестности завораживают настолько, что нет сил и желания оторваться от них.

К тому же в этом дивном сказочном месте по совершенно необъяснимым причинам на вас может обрушиться град телефонных звонков, когда все друзья неожиданно вспоминают о вас и звонят поинтересоваться вашими делами. И любуясь панорамными видами, вы с удовольствием болтаете по телефону, например, с подружкой Наташкой – ни о чём. И посылаете ей фотографию того – практически толстовского – молодого дуба.

Вы можете пересказать утренний инцидент, когда вас угораздило попасть в ночной туман и проскочить нужный поворот с шоссе. И это на дороге, по которой вы всё лето ездите, как рейсовый автобус, и где вам знакомо всё до мелочей! Но ошибку вы замечаете очень скоро, потому что даже в темноте лесной пейзаж у обочины смотрит на вас чужим и незнакомым взглядом. И вскоре вы понимаете, что едете не туда. Вы разворачиваетесь, отправляетесь обратно и находите нужный вам поворот.

Когда вы в медитативном созерцании сидите на горке, ваше внимание всегда привлекает растущий среди поля дуб. Это центральная точка пейзажа. Вы привыкли к нему и, кажется, знаете каждую его ветку.

Он хорош в любое время суток. И особенно привлекателен вечером, когда снизу его ствол обволакивает озеро густого молочного тумана, а дуб стоит погружённым «по колено» в мягкий белый дым.

Но вот однажды в начале тёплого сентября вы замечаете, что листья на его ветвях начали желтеть – красиво и симметрично.

Вас удивляет ранняя седина молодого дерева, особенно с учётом того, что другая поросль ни в этих местах, ни в окрестностях даже не сделала намёка на смену «оперения». Однако на ветках молодого крепкого дерева издали видны жёлтоватые вкрапления – пожелтевшие листья.

Находясь в предчувствии загадки, в какой-то момент вы решаетесь направиться к дубу и посмотреть на него вблизи. Вы спускаетесь с горки и с беспокойными предчувствиями идёте к дереву по тропинке вдоль реки, потом сворачиваете на поле и пробираетесь по стерне. А когда приближаетесь и видите его в нескольких десятках метров от себя, то понимаете, что перед вами вовсе не жёлтые листья, а целые россыпи молодых крепеньких и ровненьких ... жёлтеньких яблочек!

Метаморфоза повергает вас в шок.

Вы целое лето фотографировали дуб, лелеяли мечту поставить фотографию на обложку следующего номера журнала или к концу года использовать снимок в календаре. Или построить календарь на снимках одного и того же дерева – а-ля Клод Моне с его многовариантными стогами, мостиком, кувшинками, морским берегом или Руанским собором.

А дуб оказался яблоней!

Растерянно и разочарованно приговаривая нечто вроде «Какая неожиданность!» и, как вариант, «На осинке не растут апельсинки», вы смотрите на это чудо и огорошенно констатируете свою ошибку.

Вам остаётся только ошарашенно дополнить монолог хрестоматийным «Здравствуй, дерево!» и объективно отметить, что как яблоня оно тоже хорошо и невероятно красиво.

Дерево пристально смотрит на вас и красноречиво улыбается всеми россыпями медового цвета плодов, хитро и задорно выглядывающих из-под листьев.

А вы, сделав неожиданное открытие, отчасти чувствуете себя тем самым Ньютоном, неожиданно и коварно ушибленным спелым яблоком.

Хотя идея двенадцати снимков одного и того же объекта не покидает вас. Вы разочарованно вспоминаете о целой папке накопившихся за лето фотографий в компьютере и думаете, что пусть зритель тоже сначала обманется, а потом сделает поразительное открытие и расхохочется от сюрприза. Но вскоре вы критично осекаете себя мыслью, что в мае волей-неволей придётся запечатлеть и показать дерево в бело-розовых цветочках, и эффект неожиданности сразу пропадёт. Мыслительный процесс логически развивается, и вы понимаете, что проехать сюда по заснеженному декабрьскому полю, чтобы сделать чёрно-белую фотографию, вообще, невозможно.

Но какова красавица-яблоня!

Да и какая разница – «что это было?» – растение подарило вам вполне приличный, с некоторой долей анекдотичности, практически аполитичный сюжет.

И почему бы не закончить цитатой?

«Да, он прав, тысячу раз прав этот дуб, – думал князь Андрей, – пускай другие, молодые, вновь поддаются на этот обман.»

Серость. Мурлость. Полосатость

*Пришла и села. Счастлив и тревожен...
Афанасий Афанасьевич Фет
«Музе»*

На столе старшеклассника Миши лежала открытая на белом чистом развороте толстая тетрадь для сочинений.

В бесплодном ожидании она провела в таком положении уже целую неделю. Но сегодня, в воскресенье, ждала очень сильно, томилась, переживала, исходила нетерпением и всем своим видом говорила, взывала, практически стонала и ныла о том, что завтра работа должна быть сдана. Иначе... Ну что может быть, если сочинение не сдано? Ничего хорошего.

То есть сегодня Миша должен был сесть за стол и от руки, а никак не в компьютере, написать 5—6 страниц размышлений о «дубине народной войны» в романе Льва Толстого «Война и мир».

– Так, суп, котлеты, макароны, овощи – в холодильнике, фрукты – в вазе на столе, – проговаривала инструкцию на прощание мама, – пиши и не забудь пообедать!

– Хорошо, мамуль, спасибо, – откликнулся Миша.

Родители уезжали на дачу, оставляя сына один на один с «чистым листом».

Писать сочинения для Миши не составляло проблемы. Главная трудность заключалась в том, что надо было умудриться поймать вдохновение. Но нужное настроение никак к бедолаге не приходило в течение недели. А без озарения писать сочинения он не мог.

Поэтому мама с папой и решили оставить его на выходной в ожидании музы.

– Компьютер на включай, – не унималась мама. – Иначе зависнешь и ничего не сделаешь.

– И телефон оставь в покое, – добавлял свои пять копеек папа, – будет та же песня.

Миша покорно и обречённо вздыхал и не спорил.

Всё это он прекрасно знал.

Перед ним маячил гигантский айсберг, тяжёлая глыба четырёхтомного романа с его показательной «дубиной».

– Ну, пока, деточка, – чмокнула сына в щёку мама. – Вдохновения тебе и удачи! Пиши! Мусю покормить не забудь!

– Ага, не покормишь её! – отвечал Миша, закрывая за родителями дверь.

Проделав эту простую операцию, он пошёл в свою комнату, отёрнул штору и выглянул в окно.

Вскоре он увидел родителей, которые шли к стоявшей у подъезда засыпанной снегом машине. Мама остановилась, подняла голову и помахала ему рукой. Миша помахал рукой в ответ.

Он ещё постоял и посмотрел, как отец открыл дверцу, как мама устроилась на переднем сиденье, как папа поставил сумку с продуктами в багажник, как начал счищать с крыши небольшой сугробчик, завёл машину, включил обогрев, как продолжал очищать снег.

К Мише подошла кошка Муся и, легко вспрыгнув на подоконник, тоже стала смотреть в окно. Когда машина уехала, Миша с Мусей ещё некоторое время созерцали заснеженную показательно-ровную поверхность между домами, причудливо покрытые снежными шапками ветви деревьев, прочищенные дворником дорожки с аккуратными снежными отвалами, большого снеговика с оранжевым носом-морковкой в окружении пяти маленьких снеговичков, пару ворон, прыгавших у подъезда и стайку воробышков, прилетевших к висящей на ветке липы кормушке.

Миша с удовольствием смотрел вместе с Мусей её любимый ежедневный сериал.

Муся была всеобщей любимицей. В доме её часто называли понравившимися словами, которые пять лет назад Миша восторженно приговаривал, глядя тогда ещё маленького подаренного на день рождения котёнка: «Серость. Мурлость. Полосатость!»

Сегодня на дачу Мусю не взяли – она не любила дальних автомобильных переездов, боялась скорости, нервничала, пугалась встречных машин, могла от нахлынувших треволений сделать лужу.

Так что зимой кошку не трогали и только летом вывозили на природу, где Миша, его родители, бабушки и дедушки большим дружным коллективом проводили лето.

Миша погладил Мусю по голове и перевёл глаза на соседний дом, смотривший на него всеми своими окнами.

Напротив, за окном одноклассницы Насти, традиционно восседала пушистая чёрно-белая Принцесса Турандот, замершая в неподвижном созерцании зимних красот.

Чуть правее и парой этажей ниже, за отдёрганной занавеской, Миша увидел рыже-полосатого Персика, принадлежавшего другому его однокласснику Никите. Персик тоже развлекался разглядыванием зимних пейзажей.

Настя называла этого апельсинового толстяка амбивалентным, и вполне заслуженно, потому что кот любил расслабиться в ласковых руках, гладивших его, разнежиться, размурлыкаться, пустить при этом обильные слюни и полезть целоваться. Однако, пресытившись и дойдя до какой-то одному ему ведомой точки терпения, милейший Персик мог резко вскочить, беспардонно укусить ублажавшую его послушную руку, впиться в неё когтями и резко рвануть подальше с колен, на которых он только что самозабвенно предавался эйфории.

– Ладно, Мусь, наблюдай за обстановкой, – оторвался от панорамных видов Миша, – а я пойду про дубину писать.

Он отошёл от окна и сел за стол. Взял ручку, занёс её над чистым листом бумаги, призванным служить черновиком, и написал название. Потом на минуту задумался, собрался с мыслями и, почувствовав прилив долгожданного настроения, начал писать.

Он увлёкся. Вслед за одной фразой следовала другая, мысль активно и продуктивно работала, а прилетевшая муза щедро и воодушевлённо нашёптывала ему нужные слова.

Текст получался именно таким, каким его предвидел автор. Миша исписал уже целый лист и взял из стопки следующий.

И только он положил его перед собой, в порыве настроил первое предложение, как почувствовал сбоку тепло приближающегося живого существа, а потом увидел Мусю, которая легко и грациозно вспрыгнула прямо на только что родившуюся задокументированную фразу и мягко улеглась на неё.

– Муся! – с укором воскликнул Миша и тихонько сдвинул кошку с рабочего поля.

Но едва он опять занёс над бумагой ручку, чтобы продолжить писать, как Муся подвинулась и улеглась точно на то место, где должны были появиться новые слова.

– Ну Муся! – опять упрекнул любимицу Миша и осторожно вытащил из-под кошки белый лист.

Но Муся бесцеремонно устроилась как раз на том пространстве, где Миша намеревался продолжать рассказ о партизанском движении в суровые годы Отечественной войны 1812 года.

– Муся, не мешай, пожалуйста, – подчёркнуто вежливым тоном попросил кошку Миша, полностью вытащил лист из-под тёплого пушистого серо-полосатого бока и попытался писать дальше.

Но кто может противостоять своенравной кошке, поставившей перед собой цель? Вскоре непоколебимая Муся опять беззастенчиво аннексировала сводобное пространство.

Миша решительно встал и аккуратно переложил Мусю на диван, прямо на её любимую шерстяную мохнатую зелёную подушку.

Муся, конечно, обиделась и демонстративно села, показывая, что до глубины души оскорблена и лежать здесь не намерена.

А Миша, стремясь захватить освободившуюся бумажную территорию, поспешно уселся за стол, в полёте писательского азарта схватил ручку и поднял её над частично заполненным листом. Он даже написал первую пришедшую ему на ум фразу.

И вскоре почувствовал когтистые лапы вспрыгнувшей ему на спину кошки.

Он привык к подобным выходкам, слегка вскрикнул, съёжился, смиренно пригнулся, выпрямил спину, создав таким образом удобный аэродром для приземления, но творить не прекратил.

Муся немного полежала на узурпированном пяточке. Однако что такое неширокая юношеская спина с торчащими лопатками и проступающими позвонками и рёбрами под тонкой футболкой, с которой любая вещь начинает сползать? Особенно «шерстяная». Лежать Мусе было неудобно. Она встала на все четыре лапы на отвоёванном плацдарме и потянулась носом к Мишиному левому уху. Не прекращая писательского труда, Миша послушно подставил ухо – он ловил момент, пока интервентка не перекрыла место для письма, и увлечённо заполнял его ровными аккуратными буквами.

Муся потёрлась довольной мордочкой о Мишино левое ухо и располагающе примурлыкнула что-то ласковое.

Мише было щекотно от лёгких прикосновений мягкой шерсти к своим шее и уху. Но теперь у него гостила совсем другая любовь – снизошедшая муза, благородно прилетевшая помочь в сочинительстве. Поэтому он не позволил себе разнюниться, как его настойчиво призывала Муся, и, оставаясь в сжатом положении, втянул голову в плечи и не прекратил литературствования.

Муся переменяла дислокацию и зашла с другой стороны. Она перевернулась и начала с повышенной громкостью петь свои самые изысканные песни теперь уже в правое Мишино ухо.

Но герой наш держался, хотя иногда отвлекался, привычно на ходу автоматически отпуская расхожее короткое «мрр» в адрес жаждавшей общения наугомонной кошки.

Увидев, что её поползновения не действуют на непробиваемого хозяина, Муся улеглась на Мишину шею, свесив голову с левого плеча, а хвост – с правого.

Лежать в качестве шарфа боа ей тоже не понравилось.

Муся уселась на верхнюю часть пригнутой Мишиной спины и изобретательно принялась вылизывать дорожку на его затылке. Она точно знала, что никто в доме не мог устоять перед таким мощным приливом нежности, а потому увлечённо работала шершавым розовым языком, оставляя мокрую тропинку из слипшихся волос.

Но хозяин был непреклонен, отделяясь на все её ухищрения неинтересным дежурным коротким «мрр». Он ловил момент, понимая, что сочинение ему диктуют, а потому считывал мысли из эфира и поспешно их фиксировал.

Вскоре Мусе надоело вылизывание, и она со всей изобретательностью забралась герою на голову.

Но сочинитель в порыве вдохновения ловил момент – он усердно, боясь потерять мысль, отмахивался от Муси и писал свой труд уже на пятом листе бумаги.

Остановился он тогда, когда увидел свесившийся с собственного темени на лоб полосатый пушистый серый хвост. Миша готов был перетерпеть и этот демарш. Но хвост недовольно ходил ходуном из стороны в сторону, а шерсть щекотала ему губы. Муся всю выражала возмущение и даже гнев.

– Мусь! Ну ты совсем! – выплюнул он пару длинных шерстинок, прилипших к губам, не выпуская из пальцев ручки. – Дай дописать!

Однако теперь Миша понял, что сочинение практически сложилось и ничто не перебьёт его порыва.

Он поднял руку вверх и погладил доступный для доставания тёплый бок по-хозяйски устроившейся на его голове Муси.

Кошка привсталала, осторожно переставляя лапы, повернулась вокруг своей оси и спустила хвост на Мишину спину. Однако новая поза тоже не принесла ей удовлетворения, и она спрыгнула с головы прямо на хозяйскую грудь, повиснув при этом на когтях.

– Ну хорошо, давай, сделаем паузу, – сморщившись, сдался, покорно согласился Миша и встал из-за стола.

С кошкой на руках он подошёл к окну.

Отчасти добившаяся своего Муся выказывала все признаки довольства и стала вместе с хозяином смотреть на снежные хлопья, валившие из приползшей тучи.

– О! Настя, наверное, тоже сочинение пишет! – констатировал Миша. – Принцессы Турандот на подоконнике не видно – наверное, как и ты, пристаёт, мешает и на голову садится.

Он посмотрел на Никитино окно:

– А Никита не пишет – вон Персик на подоконнике сидит, ворон считает, – сделал он дедуктивное умозаключение.

Миша ещё постоял, посмотрел на снегопад и, не спуская пушистой подружки с рук, пошёл на кухню. Там он, посадив кошку на пол, насыпал в мисочку сухой корм и предложил его Мусе.

Та брезгливо понюхала угощение и демонстративно с негодованием отошла в сторонку.

– Не хочешь – не надо. Я тебе не мама – ходить и уговаривать не стану, – сказал Миша.

Однако дверцу холодильника открыл и принялся изучать его содержимое.

– Колбасу будешь? – спросил он Мусю.

Достав нож и разделочную доску, Миша стал отрезать ломтики.

Муся заинтересовалась, подошла и начала тереться о Мишины ноги. Тот выложил перед ней несколько мелких кусочков, которые Муся с энергетическим посылом «Ну вот! Наконец, догадался!» принялась поглощать.

Миша почувствовал, что тоже проголодался, сделал себе бутерброд и заварил кофе.

Подкрепившись, он вымыл посуду и сказал:

– Ладно, Серость-Мурлость, пошли сочинение писать!

Но Мусю призыву не вняла и направилась к своей лежанке у батареи, где с удобством устроилась, показывая всем видом, что крайне утомлена, собирается отдохнуть и не намерена заниматься какими-то человеческими глупостями.

– Как хочешь! – обрадовался Миша и отправился в свою комнату.

Усевшись за стол, он первым делом взглянул в окно – ни Принцессы Турандот, ни Персика на подоконниках одноклассников не наблюдалось.

Миша понял, что оба тоже занимаются делом.

Он с удовольствием на подъёме добил сочинение, проверил и стал переписывать его в тетрадь.

Но только закончил первую фразу, как что-то мягкое, пушистое и тёплое, выпустив когти при посадке, ловко вспрыгнуло ему на спину.

Дальнейшее он представлял себе детально.

– Что, Мур-Мур, вторая серия? – по привычке съёжившись, пробормотал Миша, но работы не прекратил.

Он же Гога, он же Джордж...

Московское наречие не только для важности столичного города, но и для своей отменной красоты прочим справедливо предпочитается, а особливо выговор буквы «о» без ударения, как «а», много приятнее...

М. В. Ломоносов

Нью-Йорк. Жаркий июньский полдень. Манхэттен, причал на Ист-Ривер. Панорама города пестрит разноплановыми небоскрёбами, отражающими яркие солнечные лучи неисчислимым множеством оконных стёкол. Синяя кобальтового оттенка вода искрится на солнце и намекает на серьёзную глубину.

У причала – готовый отправиться к находящейся в трёх километрах бело-голубовато-синеватой Статуе Свободы паром.

Запись на экскурсию.

К остановившейся около собирающейся группы туристов паре молодых людей, по виду европейцам, – юноше и девушке с длинными светлыми волосами, которые растрёпывает свое-нравный бриз, – подходит экскурсовод. Это темнокожий типичный житель Нью-Йорка. Крупный по телосложению, огромного роста, он блестит лицом на солнце, на вид ему сильно за пятьдесят.

Он здороваётся и профессионально предлагает услуги.

У него типично бруклинский выговор: все произносятся звуки сосредоточены в передней части рта. Он спрашивает о том, как гостям нравится Нью-Йорк, и new у него звучит не иначе, как поо.

Он словоохотлив, сообщает много информации, говорит громко, уверенно и категорично. Его фразы обильно снабжаются словечком like и полны разных сокращений. Всё это не оставляет сомнений в том, что перед туристами коренной горожанин.

Держится он очень сводобно и раскованно – как рыба в воде.

Предлагает экскурсию в Нью-Йоркской бухте и по Ист-Ривер. Программа включает и осмотр Стаути Свободы на острове Либерти, и Бруклинского моста и т. д. Он подробно рассказывает об условиях и ценах. Всё очень по-деловому и чётко.

Но вот экскурсия заказана. Надо немного подождать, когда соберётся необходимое количество пассажиров. Группа уже достаточно велика, и многие развлекаются тем, что снимают виды и делают селфи.

В конце разговора негр празднично интересуется у клиентов:

– Откуда вы?

– Из Латвии, – коротко отвечает молодой человек, готовый к тому, что ему придётся объяснять, где это.

– О! – радуется вопрошающий и сразу с заметным удовольствием перескакивает на чистейший русский. – Я был в Риге!

Дальше он с большим энтузиазмом и симпатией поясняет экскурсантам – как родным:

– Я в Москве восемь лет жил. Учился в МГИМО, потом работал. Давно, конечно, – в восьмидесятых-девяностых.

Артикуляция кардинально меняется, и речь звучит совершенно иначе – теперь она по-настоящему русская – с типично московским выговором, вызывающе акающим и насыщенным редуцированными звуками, с долгим «ш», украшенная характерными певучими московскими интонациями.

Его даже не надо просить произнести тестовую далевскую фразу «С Масквы, с пасада, с калашного ряда». По речи он – стопроцентный москвич, ну отчасти с немного приобретённым речевым фонетическим бруклинским оттенком.

В ходе дальнейшей беседы всё с тем же недиссимилятивным аканьем, с растягиванием ударных гласных он поясняет, что в девяностых из-за изменившейся ситуации вынужден был уехать из России, где прекрасно жил и замечательно работал, на родину – в одну из африканских стран в центре континента. Но и там в родных местах всё было сложно. Поэтому он переехал в Штаты, обосновался здесь, открыл своё дело, занимается туризмом, доставляя желающих к огромной 93-метровой (с постаментом) женщине – 225-тонному символу свободы, правосудия и демократии с факелом в поднятой правой руке, скрижалю в левой и с семью лучами в короне.

Его рассказ пестрит московскими сленговыми словечками.

– Ну чё, как вам Нью-Йорк? – ещё раз интересуется он словами истинного москвича.

В ответ молодой человек весело цитирует «Роллинг Стоунз»: Go ahead, bite the Big Apple («Давай, кусай Большое Яблоко»).

Услышав о Большом Яблоке как сленговом названии Нью-Йорка, негр широко улыбается:

– Здесь классно!

Он на секунду умолкает и, спохватившись, добавляет:

– А я Москву люблю!

Воспоминание о Москве сразу энергетически сплачивает и объединяет много раз гостивших у родственников в российской столице молодого человека и девушку с их новым знакомым.

В конце разболтавшийся темнокожий житель Бруклина ностальгически сообщает, что жил на Соколе, и улыбается:

– Нормально так было! Зимой дубак только, а так – всё путём!

И по-свойски добавляет:

– Меня Гоша зовут! Можно Гога.

Он заговорщически улыбается, потому что привычку цитировать классические советские фильмы тоже унаследовал стойко. Чем окончательно подкупает экскурсантов.

Затем Гоша, припоминая, поднимает глаза к пронзительно синим небесам и луи-армстронговским баритоном с едва заметной хрипотцой напевает:

«Друга я никогда не забуду,

Если с ним подружился в Москве». *

*В. Гусев «Песня о Москве» из кинофильма «Свинарка и пастух»

Слётыш

Даце Стежкиной с благодарностью за вдохновение и сюжет

Понесли Марусю гуси.

Русская пословица

В субботу на долю Елены Алексеевны выпало дежурство, как это регулярно бывает с научными сотрудниками музея по выходным дням раз в месяц.

Занятие не очень приятное, потому что занимает целый день, когда, помимо единственного представителя научного штата, в музее находятся только смотрительницы залов.

Необходимость неотлучного присутствия, конечно, угнетает дежурного, но зато не требует исполнения непосредственных обязанностей. То есть можно заниматься чем угодно. Если, конечно, речь не идёт о неотложных рабочих делах.

Утром Елена Алексеевна не спешила, зная, что музей откроют и без неё.

Домашние в девять утра, когда она уезжала, ещё спали.

Елене Алексеевне пришлось забежать в комнату к дочке за забытым вчера телефоном. Она посмотрела на пухлую розовую подростковую щёку, уютно лежавшую на подушке в обрамлении россыпи светло-русых кудряшек, и, умилившись, потихоньку удалилась. Муж тоже беззаботно поживал в спальне, не спеша вставать ни свет ни заря.

Елена Алексеевна вышла на улицу и попала в очарование светлого июньского утра. Трава, ещё не утратившая своих юных нежных оттенков, улыбалась в ярких солнечных лучах.

Елена Алексеевна направилась к машине, стоявшей в ряду других, словно специально подобранных в разных тонах и напоминавших мольберт – пары синих, пары чёрных, серебристой, белой, красной, оранжевой и жёлтой. Она обошла свою машину кругом, проверяя колёса.

Неподалёку по пустой пешеходной дорожке бродил неприкаянный крупный серо-бежево-рябоватый птенец большой серебристой чайки. На первый взгляд, он казался некрасивым, но на второй, виделось, что его наряд состоит из миндалевидных по форме пёрышек, каждое из которых окаймлено белой окантовкой, что делало птенца кружевным и изысканным. Он неуклюже шлёпал по асфальту своими сиреневато-сизоватыми перепонками, поддерживавшими почти прозрачные ножки-палочки. В воздухе над местом променада кругами летала озабоченная и встревоженная мама. Она плавно взмахивала широкими белыми крыльями, время от времени открывала мощный крючковатый жёлтый клюв, настойчиво оглашала окрестности своим протяжным «кьяу», явно посылая ребёнку какое-то предупреждение о потенциальной опасности.

Птенец явно недавно вывалился или чересчур рано поспешил покинуть гнездо, устроенное на крыше соседней многоэтажки. Так происходило каждое лето, когда птенцы слетали на землю и, не находя себе места, бродили по газонам и дорожкам. Над ними парили или прогуливались рядом встревоженные родители, заболитивно вкладывавшие в клювы принесённую еду.

Елена Алексеевна поняла, что объявленная растревоженной мамой опасность исходит именно от неё лично. Поэтому поспешила устранить причину переполоха, уселась в машину и уехала, дабы долго не быть раздражающим фактором.

Человечество не стремилось к ранним воскресным пробуждениям и путешествиям, а потому город был безлюден и дорога практически пуста.

«Так, куда еду я, понятно, – усмехалась Елена Алексеевна, встречая редкие машины, – а куда люди направляются в такую рань?»

По дороге, разделявшей многоэтажки микрорайона, ходил такой же неуклюжий неповоротливый серо-рябой слётыш с перепончатыми сиреневыми лапами, напоминавшими несоразмерные ласты. Точнее, даже не ходил, а топтался на белой разделительной полосе.

Будучи не в силах предположить, куда бросится несмышлёныш, Елена Алексеевна притормозила, пропуская его. Но плохо знакомый с правилами дорожного движения птенец не понял манёвра, развернулся и собрался идти назад.

На встречной полосе показалась машина. За рулём сидела женщина примерно тех же лет, что и Елена Алексеевна. Судя по всему, она тоже озаботилась проблемами совершавшего непродуманный моцион птенца и остановилась.

Птенец, не осознавая, откуда исходит опасность, окончательно «завис», бестолково крутил во все стороны тёмным, ещё не успевшим пожелтеть клювом и нерешительно переминался на белой разделительной линии.

Наблюдая за неуклюжими движениями, обе женщины не сводили с него встревоженных материнских глаз.

Наконец, птичье сознание прекратило глючить, неразумная юная особь немного подумала, определилась с вектором и начала переходить дорогу перед машиной Елены Алексеевны.

«Я никуда не спешу», – мысленно успокоила она неопытную птицу и дождалась, когда та достигнет заветной зелёной травы на газоне.

Встречная машина тоже не двигалась – её хозяйка явно не торопилась.

Других объектов передвижения на дороге не наблюдалось.

Обе автоводительницы понимающе посмотрели друг на друга, обменялись созвучными улыбками и поехали только тогда, когда стало ясно, что птенец в безопасности.

«Интересно, а где его мама? И папа? – озабоченно думала Елена Алексеевна. – Они, кажется, оба по очереди яйца высиживают и потом выкармливают потомство. Оставили крошку без присмотра и улетели! А она, бедняжка, ещё крыльями правильно махать не умеет и гуляет по проезжей части одна-одинёшенька».

С такими мыслями Елена Алексеевна приехала на работу и припарковала машину на рабочей стоянке в музейном дворе.

Первое, что она увидела, выйдя из машины, был такой же несуразный и глупый, открывающий для себя этот сложный и непредсказуемый мир птенец серебристой чайки. В прожекторе солнечных лучей кожа на его тонких ножках просвечивала так, что были видны трогательные тонкие косточки.

С философскими мыслями о том, что наступило время, когда ещё не поставленные на крыло птенцы-подростки начинают покидать гнёзда и подвергаются опасности, Елена Алексеевна осмотрела двор в поисках его родителей. Но ни одной чайки не было видно. Не слышалось взволнованно-озабоченного призывного гоготанья с небес. И никто не нарезал круги над дитятей-неумехой.

Зато в ограниченном четырьмя стенами дворе сидели три кота и пристально наблюдали за птенцом.

Коты были незнакомыми Елене Алексеевне, то есть не музейными. Никогда раньше она не встречала их в окрестностях очага культуры, где трудилась много лет.

Ей сразу не понравилось рассредоточение – коты окружили птенца с самыми недобрыми намерениями. Было ясно, что Елена Алексеевна спугнула их, а неопытный слётыш обречён. Охотники затаились на своих местах, и каждый готов был, подобно молниеносно расправившейся пружине, ринуться в атаку, едва только Елена Алексеевна скроется в подворотне.

Елена Алексеевна посмотрела на крышу дома – скорее всего, птенец отправился в свой первый полёт именно оттуда, едва выбравшись из гнезда. Она испугалась и решила спасти малыша, а потому громко и энергично захлопала в ладоши, потом с криком «брысь» принялась разгонять объединившихся в нехороших целях агрессоров.

Толстый рыжий кот, видимо, не ожидавший такого неуважительного отношения к своей особе от человека, медленно и неохотно пошёл к безлюдной подворотне. По его походке было видно, что он донельзя zalюблен и избалован хозяевами. А сюда его привёл исключительно

охотничий инстинкт. Внушительные размеры свидетельствовали о том, что ухаживают за ним хорошо и основательно. На шее у него красовался красный ошейник, как положено всем благовоспитанным домашним котам, отправляющимся погулять на улицу. Он с достоинством неторопливо вышел на площадь и с обиженным выражением на объёмной морде уселся у музейной стены.

Второй форвард, не имевший ошейника, был полосат и короткошерст, в нём виделся дворовой крысолов, не допускавший мысли о том, чтобы упустить добычу. Умудрённым опытным взглядом он окинул фигуру невесты откуда взявшейся и сорвавшей боевую операцию женщины и, прижавшись к асфальту, быстро убежал на полусогнутых лапах, понимая однако, что ему даже пинка не достанется и особой угрозы нет, а потому надо дождаться часа-икс, когда защитница пернатых уйдёт. Потом можно продолжить дело и загнать добычу. Полосатый уличный хищник, тоже удрав через подворотню, устроился у музейной стены с другой стороны от собрата-компаньона.

Третий кот-подросток, отмеченный домашним ошейником, ничего в охоте не смыслящий, умчался в скверик напротив подворотни и уселся там в выжидательной позе – он прекрасно гармонировал белой шерстью на обоих боках с нежно-белыми петуниями на ближней клумбе.

Покинувшая подворотню Елена Алексеевна поняла, что стоит ей уйти, как промысел продолжится и птенцу грозит неминуемая гибель. Летать он не умеет, а беспечные родители его не спасут.

«Что делать? – спрашивала себя Елена Алексеевна. – Кто занимается защитой животных? Кого звать на помощь? Кому звонить? Есть у нас какая-нибудь ветеринарная служба спасения?»

Она остановилась у входа в музей и решила никуда не уходить.

Нетерпеливые коты стали неприметно и грациозно подниматься, чтобы вернуться за добычей, но Елена Алексеевна замахала на них руками, и те, соблюдая все правила прайдового сафари, опять уселись в выжидательных позах, заняв свои номера.

Тем временем Елена Алексеевна вспомнила, как в прошлом году они целым двором спасали соседского кота, полдня просидевшего на высокой берёзе и истошно мяукавшего на всю округу.

Тогда соседи позвонили пожарным. Те вскоре приехали, подняли лестницу и спасли потерявшее надежду отчаявшееся и осипшее животное, которое тотчас перепуганно и без оглядки умчалось в светлую даль.

Елена Алексеевна набрала номер пожарно-спасательной службы.

Девушка на коммутаторе терпеливо выслушала просьбу и усталым казённым голосом сказала, что таких услуг они не оказывают – у них и без того достаточно дел, они тушат пожары, а не спасают заблудившихся незнакомых одиноких птенчиков. В голосе слышалось плохо скрытое недовольство.

Елена Алексеевна набрала номер полиции, где её тоже выслушали и деликатно посоветовали решить проблему самостоятельно, не отвлекая занятых важными делами людей от исполнения служебных обязанностей.

Елена Алексеевна в растерянности стояла посреди улицы у входа в родной музей и напряжённо думала.

На первом этаже родного музея имелся охранник. Но, едва представив себе беседу с несговорчивым и неприветливым человеком, который сегодня сидит на посту, Елена Алексеевна не решилась звать к состраданию и призывать его на помощь. Любая просьба, обращённая к нему, всегда вызывала недовольство, трансформировалась в предложение не мешать и содержало неозвученный посыл отправиться в дальние края.

Рядом с музеем находился банк.

Едва взглянув на вычурное современное здание, Елена Алексеевна отметила, что там обязательно должны быть охранники. Она, громко прикрикнув на замерших в выжидательных позах разномастных хулиганов, для устрашения помахав в сторону каждого рукой и притопнув ногой, пошла к входной двери.

Секьюрити вежливо её выслушали, осмеяли и высказали примерно тот же текст, что она уже слышала: у них своя важная и ответственная работа, отвлекаться на посторонние дела и покидать пост они не имеют права.

– Птичку, конечно, жалко! – весело прокомментировал большой накачанный мужчина в форме, не пожелавший заступиться за беззащитное существо.

Растерянная и не нашедшая аргументов для пробивания очередной глухой стены Елена Алексеевна отправилась на улицу. Можно было обратиться за помощью к прохожим. Но утренняя воскресная улица оказалась пустынной – никто не нуждался в услугах банка и не хотел прикасаться взглядом к музейным ценностям. Прохожих на улице в этот час не наблюдалось, и даже собачники, которые, несомненно, могли бы оказать посильную помощь, отсутствовали.

«Спасение утопающих – дело рук самих утопающих», – обречённо подумала Елена Алексеевна и ещё раз шуганула показавшихся в поле зрения подтягивающихся к подворотне котом.

Они, конечно, разбежались, но было ясно, что уйди Елена Алексеевна – и они немедленно вернуться.

«Пойду попробую поймать птенца сама и отвезу куда-нибудь подальше, к морю, например. Там много чаек. Может быть, его примут и воспитают», – думала она.

Елене Алексеевне никогда не приходилось иметь дела с дикими животными, а уж с птицами – и подавно.

Она двинулась к подворотне. Птенец всё так же гулял по асфальту между машинами.

«Вот где его родители?» – возмущённо подумала Елена Алексеевна и стала осторожно приближаться к несмыслённышу.

Тот пятился в сторону, наверное, решив, что женщина, уподобившись трём котам, вознамерилась поймать и съесть его. Инстинкт самосохранения работал у него прекрасно.

Он шлёпал своими несоразмерными тонкими ножками с широкими лапами, шустро убегая от смешно подкрадывавшейся к нему Елены Алексеевны.

В несколько приёмов она пыталась ухватить глупыша за кружевные бока или за чёрные перья хвоста. Но тот отчаянно сопротивлялся нападению и поспешно устремлялся в сторону.

Елена Алексеевна уже потеряла терпение и рассудила, что настало время для решительной атаки, а потому расставила руки и собралась совершить финальный прыжок. И в этот последний момент «чаёныш», как она стала для себя называть его, неумело раскинул крылья, замахал ими, распушил хвост, поджал под него ножки, аккуратно вытянул их, тоненько беспомощно запищал и полетел вверх – прямо на музейную крышу.

«Ах ты, негодник! – воскликнула про себя обрадованная так просто разрешившейся проблемой Елена Алексеевна. – Оказывается, летать мы умеем! Что ж ты нас всех за нос водил?»

Несмотря на то, что акция с поимкой свободолюбивой птицы не удалась, Елена Алексеевна ликовала – слётгыш был спасён.

Подтянувшиеся к месту событий коты разочарованно смотрели в небо на махавшего крыльями птенца и с удивлением – на странную женщину, отбившую у них завтрак.

Пляжный пассаж

Июльский солнечный воскресный день. Вторая половина восьмидесятых.

По пляжу идёт молодая супружеская пара. Обоим ещё далеко до тридцати. Они веселы и беспечны.

Сегодняшний выходной решили провести в длительной пляжной прогулке.

За несколько тёплых балтийских дней им надоело лежать у моря, равно как и играть в волейбол.

Сегодня захотелось просто пройтись на дальнейшее расстояние по берегу Рижского залива.

Скажем, от Лиласте до Саулкрасты, что составляет около десяти километров.

Идти можно неспешно, с остановками и купаниями, попутно загорая и получая удовольствие от ходьбы.

Небо ясное – без единого облачка, море светло-синее, волны мелкие и боязливо-торопливые, с тонкой белой пузырьчатой каёмочкой пены, которая выплёскивается при очередном облизывании берега. Ветерок слабый и приятно освежающий в жару. Песок мягкий и хорошо прогретый, а у кромки прибоя влажный и удобный для ходьбы. Чуть дальше от моря в сухом виде он совершенно по-особенному тонко, звонко и протяжно присвистывает под босыми ногами так, как свистит песок только в Лиласте. Иногда недалеко от воды встречаются хаотично разбросанные россыпи мелких и тонких бело-розовых хрупких ракушек. Если внимательно смотреть под ноги, можно найти несколько маленьких прозрачно-жёлтых янтариков, которыми потом интересно пополнить коллекцию, методично складывая в парфюмерные длинные и узкие пустые флакончики с пробниками.

Ближе к лесу на сыпучих дюнах в ребристом песке вьются трогательные миниатюрные голубые цветочки, непонятно за что цепляющиеся усиками и невидимыми корнями.

Молодые люди приехали в начальный пункт путешествия на электричке и планируют вернуться с Солнечных Берегов (то есть из Саулкрасты) на ней же.

В целом по мере отдаления от пляжа в Лиласте и перехода вброд впадающей в море одноимённой речушки путь однообразен – людей здесь мало. Лишь иногда встречаются пары таких же любителей дальних пляжных прогулок, следующих навстречу путешественникам.

Молодые люди идут вдоль кромки воды, беззаботно болтают обо всём, иногда останавливаются искупаться, сделать несколько снимков, посидеть на выброшенном морем и отполированном волнами белом и идеально гладком, серебрящемся в солнечных лучах стволе.

Но вот незаметно за плечами остаётся несколько километров, а впереди уже виден финиш – пляж Саулкрасты с пока ещё едва различимыми маленькими издали фигурками загорающих.

Усталости молодые люди не чувствуют.

Скоро они достигнут намеченной точки, в очередной раз искупаются в море, полежат на песке, перекусят и отдохнут.

По мере приближения к цели справа на верхушке дюны у леса вырастает фигура одинокого немолодого мужчины в стиле ню.

Он бесстыдно стоит на песчаном гребне и по-хозяйски озирает окрестности, как страж, следящий за порядком в принадлежащей ему местности. На голове у пляжного аксакала широкополая соломенная шляпа. В руках – большой бинокль, который он направляет то в одну, то в другую сторону.

Пара, демонстративно не глядя на жаждущего внимания наглого эксгибициониста, идёт своей дорогой.

Вскоре им навстречу попадает быстро шагающий и покрытый тёмно-шоколадным загаром одинокий мускулистый, среднего возраста путник в том же стиле – в чём мать родила. Он

абсолютно невозмутим, его коричневая, с виду задубевшая на солнце кожа лоснится, отражая яркие лучи, в руке он держит пакет с одеждой.

И опять пара невозмутимо следует дальше, отводя глаза от бесцеремонного прохожего, понимая, что на пустом пляже он волен ходить в чём хочет.

Дальше у самой кромки воды они натываются на молодых родителей с ребёнком. Взрослые лежат под солнцем спинами вверх прямо на пути молодых людей. Покоящиеся на полосатых красно-жёлтых полотенцах фигуры тоже предстают в натуральном виде. Пухлые части тела, обычно прикрываемые одеждой, довольно органично смотрятся на светлом в мелких барханчиках, оставленных следами, песке. По красивому цвету загара можно догадаться, что беззастенчивая пара голышом проводит на ярком солнце всё свободное время.

Рядом играет голенький трёхлетний малыш в белой панамке. Он неуклюже и сосредоточенно насыпает песок зелёным совочком в яркое жёлтое ведёрко. Перед ним разложено несколько разноцветных формочек. Рядом раскинулись разнокалиберные испечённые куличики в форме рыбок, цветочков и улиток.

Путешественники невозмутимо обходят препятствие и скоро замечают на своём пути новую загорающую семью. Две пятилетние светловолосые девочки по щиколотку в воде играют с лёгкими волнами, запрыгивая и отпрыгивая от белой пены, атакующей их при каждом новом набеге и всплеске. Все члены семейства представлены в натуральном виде. Сидящие в неприжудённых позах родители наблюдают за детскими забавами.

– Что-то здесь очень много нудистов, – замечает путница, целомудренно отводя взгляд от вызывающе обнажённой семейной ячейки.

– Ну да, – соглашается её спутник.

– Наверное, с пляжа расползлись – подальше от глаз людских, – предполагает и оправдывает натуристов барышня.

Пара лелеет надежду, что скоро дойдёт до официального пляжа и не встретит там абсолютно голых тел.

Открывающиеся жанровые сцены кажутся обоим неприглядными. Взрослые могут прилюдно валять дурака, как им заблагорассудится, но зачем втягивать в это малолетних детей?

Следующая порция загорающих тоже лишена каких-либо одежд. Это две девушки, раскинувшиеся в вольных позах немного ближе к дюнам, и одинокий седовласый мужчина с бронзовой кожей, лежащий в песчаной перине невдалеке от них.

– Прямо какое-то стоянка единомышленников, – комментирует путница, стараясь не смотреть на шокирующих своей откровенностью приверженцев натурализма.

Пара стремится поскорее достичь центрального пляжа – они не ханжи, но навязчивой обнажённой разновозрастной и разнополой человеческой природы становится слишком много в поле видимости. Обилие открывающихся картин с новыми персонажами начинает их угнетать.

Когда перед молодыми людьми вырастают целеустремлённо заходящие в синие волны ничем неприкрытые и опалённые солнцем муж и жена с двумя мальчиками-подростками, у путешественников появляются сомнения.

Кажется, что все люди коллективно тронулись рассудком и нарочно донага пораздевались в этом месте.

Путники вглядываются вдаль в надежде, что по мере приближения к пляжному скоплению отдыхающих число обнажённых особей уменьшится. Они уверены, что стоит только миновать этот участок одиночек, как впереди возобладает коллективный разум.

Однако контингент любителей группироваться в откровенном виде расширяется.

По мере продвижения дальше становится отчётливо видно, что впереди находится скопище исключительно нагих людей.

Количество разгуливающих лишённых одежд встречных растёт, а жадно принимающая солнечные ванны разнокалиберная группировка встречает одетую в плавки и купальник пару недоумёнными взглядами.

– Да они тут все такие! – восклицает ранее терявшаяся в смутных догадках, а теперь окончательно прозревшая путница.

– Это мы на нудистский пляж забрели, – подтверждает её озарение спутник.

Путешественники, конечно, слышали о таких пляжах на взморье, но никак не думали случайно оказаться в бесшабашном и прямолинейном «оазисе».

У обоих появляется неприятное чувство, как будто они попали в заражённую массовым психозом зону, где установлен своеобразный распашной антидресс-код.

– Пойдём-ка назад, – предлагает девушка, – да ну их всех!

Очутиться на нудистском пляже среди бравирующих внешним видом экстремалов паре совсем не хочется.

Путешественники поворачиваются и, отказавшись от своих планов, ретируются в обратном направлении – в сторону Лиласте.

Ну, артисты!

Исходя из соображений «что станет говорить княгиня Марья Алексевна!», автор в самом начале повествования должен определить свою позицию – ни он, ни его близкие к истории не имеют никакого отношения, а известна она лишь в давнем дружеском пересказе. Так что Марья Алексевна может быть совершенно спокойна.

Изначально события рассказчику, а точнее, пересказчику истории, были поведаны в чудесных 80-х годах минувшего столетия.

В те замечательные годы беззаботной студенческой юности к автостоянке возле киностудии подошли два молодых человека. Художественный объект находился на окраине светлого соснового леса, пространно раскинувшегося в черте города. Возле здания всегда стояла пара красивых и представительных рабочих «Чаяк». Всё прекрасно проглядывалось из окон проезжавшего мимо в дальний микрорайон рейсового автобуса. Машины с рабочей надписью «Киностудия» всегда были на виду, так что запоминались всем проезжавшим.

Молодые люди остановились около одной из длинных чёрных блестящих «Чаяк» с белыми буквами на передних дверцах.

Один из них приоткрыл дверцу и обратился к сидевшему внутри шофёру.

– Здравствуйте! В центр к Опере не подбросите?

Просьба была необычной – мало того, что на служебных «Чайках» мало кто ездил, но ещё и не дерзал попроситься в такую поездку.

– За четвертак, – сразу для верности определил цену вопрошавший.

В описываемые времена доехать из этого района до центра города на такси стоило пару рублей.

Шофёр удивился – он не привык к подобным обращениям, но сумма ему определённо понравилась. Да и свободного времени у него было достаточно.

– А садитесь! – обрадовавшись неожиданной оказии, согласился он.

Оба молодых человека устроились на заднем сиденье.

Машина тронулась, и не успела она выехать со стоянки, как первый пассажир решился и, взяв быка за рога, произнёс:

– Только у нас к вам будет одна маленькая просьба!

– Ну? – взглянул на него шофёр в зеркало.

– Понимаете, мы тут с другом вчера на дискотеке с девушками познакомились, на свидание едем. И хотим всё так... интересно обставить.

Шофёра, для которого танцы, дискотеки, знакомства с девушками, свидания и встречи, в силу возраста, комплекции и напрочь ушедшей в приятные воспоминания весёлой юности, давно остались в прошлом, преембула заинтересовала.

А пассажир, понимая необычность просьбы и стремясь всё подробно, доходчиво и ненавязчиво объяснить, продолжал.

– В общем девушки, как оказалось, в университете учатся. И такие фифы – все из себя. А как услышали про наш институт, так сразу фыркать начали.

– Чем же им ваш институт не нравится? – обидевшись за молодых людей, решил восстановить справедливость шофёр.

– Да кто их знает? Но смотреть стали так свысока, как на неровню. Ну, мы им и сказали, что приехали сюда кино снимать со съёмочной группой. Они сразу переменились, открытыми стали, встретиться согласились.

– Красивые девушки? – оживился и весело поинтересовался шофёр, глядя на пассажиров в зеркало.

– Очень, – продолжал пассажир, – мы им сказали, что мы артисты.

– Как кино называется? – стал развивать понравившуюся тему шофёр.
– «Закат над синим морем», – включился в беседу второй пассажир.
– Потянет, – расплылся в улыбке и одобрил водитель.
– Мы, вообще, сказали, что в разных фильмах снимались, – продолжал первый пассажир.
– И в каких? – продолжал внедряться в тему шофёр.
– Вовка, – кивнул на друга первый пассажир, – в «Отважном барабанщике» и «Стальном характере». Он, по легенде, с детства – на съёмочной площадке. А я – в «Долгой команировке» и «Тайне золотого перстня».

– А что, есть такие фильмы или сами придумали? – загорелся фантазией и засмеялся шофёр.

– Конечно, сами! А кто проверит? – самоуверенно отозвался Вовка, не подозревавший, что через несколько десятков лет всё будет возможно.

– Молодцы. Так откуда, говорите, съёмочная группа? – продолжал беседу водитель.

– Из Питера, – ответил первый пассажир и добавил, – из Ленинграда.

– А сами откуда? – продолжал любопытствовать шофёр.

– Я Игорь, – представился первый пассажир. – Мы здесь учимся. Я, и правда, из Питера, наговорил им всего! А Вовка – из Пскова.

– У меня тётка в Питере живёт! Довезу я вас, не волнуйтесь. А просьба-то какая? – сыпал вопросами заинтригованный шофёр.

– Так вот... просьба, – замялся Игорь. – Когда подъедем к стоянке, мы выйдем, я вам скажу: «Ладно, Серёга! Ты нам сегодня больше не нужен. Спасибо! До завтра!»

Шофёр представил себе красоту и достоверность сцены и принялся бурно и заливисто хохотать. Лицо его мигом покраснело, и он долго не мог унять неожиданного приступа безудержного смеха. Благо, что машина стояла на светофоре.

Отсмеявшись, отхохотавшись, и даже местами отстонавшись, он вытер левой рукой слёзы под глазами и сказал:

– Ну, артисты! Да я с вас и денег за такой прикол не возьму, бесплатно доведу!

С этими словами шофёр свернул направо, во двор дома, и остановился.

– Садись, Игорь, вперёд, – предложил он, – большим человеком будешь! Тебя как по батюшке?

– Иванович! – Игорь обрадовался тому, что им хотят подыграть.

– Значит, Игорь Иванович! Ну, хорошо! А я, и правда, Сергей – угадали! – представился водитель.

Пересаживание на переднее сиденье не заняло у студента много времени.

Вскоре около стоянки у показавшегося перед машиной здания оперного театра стали заметны фигуры двух броско и модно одетых барышень-блондинок.

– Эти? – спросил Серёга.

– Ага, – в унисон радостно промычали в ответ самозванцы.

– Артисты! – одобрил шофёр выбор и алгоритм действий пассажиров.

– А ничего, что им вас подождать пришлось? – вдруг озаботился он. – Такие красотки – ещё обидятся!

– Так мы же с утренней съёмки едем! – откликнулся с заднего сиденья артист с младых ногтей Вовка.

– Тогда ой! – разулыбался шофёр.

«Чайка» с кричащими белыми надписями «Киностудия» картинно и плавно подъехала к девушкам и остановилась.

Оба студента так, как будто совершают привычное обыденное действие, вышли из машины.

– Ладно, Серёга! Ты нам сегодня больше не нужен. Спасибо! – точно по тексту произнёс свою реплику Игорь и по-деловому громко и от души захлопнул переднюю дверцу.

– До завтра! – добавил Вовка, не менее эффектно пристукнув своей дверью.

– Игорь Иваныч! Володя! – с многообещающими интонациями, намекающими на завтрашнюю встречу, крикнул в приоткрытое окно, прощаясь с пассажирами, водитель и укатил вперёд.

А Игорь Иваныч и Володя с ослепительными актёрскими улыбками пошли к ожидавшим их капризным и разборчивым прелестницам. Легенда была отработана и представлена во всей неоспоримой достоверности.

На вопросы из серии «А дальше?», водопадом лившиеся из уст любопытного развеселившегося автора, рассказчик, а точнее, пересказчик истории, толкового ответа дать не мог, ибо не был посвящён в подробности и дальнейшее развитие событий. Он ограничился лишь неопределённым и абсолютно неинтересным «Ну, потусовались, наверное» и посоветовал «Придумай что-нибудь, ты умеешь!»

Автор же додумать нетривиальное развитие этого сюжета не в состоянии.

Так что княгиня Марья Алексевна никакой дополнительной информации не получит и может говорить всё, что ей угодно.

Закат солнца на берегу моря

По дорожке из тонких деревянных планок, ведущей к морю, поспешно идёт семейная пара.

Пляж полон людей, собравшихся на концерт органной музыки. Традиция появилась в ковидные времена и прижилась: иногда летом на берегах Рижского залива организуются подобные мероприятия – они романтичны, необычны и зрелищны, потому что органично вписываются в природную красоту.

Под звуки классики можно спозаранку встретить рассвет в Юрмале. В Вецаки меломаны массово провожают спускающееся в воду солнце под классические мелодии вечером.

Инструмент устанавливается на балконе спасательной станции. Публика размещается на песке хаотично.

Часть зрителей, устроившихся на складных стульях, пляжных покрывалах и пледах, сидит лицами к импровизированной сцене и смотрит на музыканта.

Часть размещается чуть поодаль. Эти эстеты предпочитают наблюдать заходящее солнце над вечерним серовато-синим морем и потому сидят спинами к исполнителю.

Кто-то приезжает на концерт целенаправленно, оставляя машины на стоянках. Кто-то – на автобусе, электричке или маршрутке. Кто-то – на велосипедах, и те ожидают своих хозяев здесь же, неподалёку на песке, в прощальных лучах солнца. Кто-то попадает сюда случайно и врасплох для себя – после проведённого на пляже выходного дня.

Концерт вот-вот начнётся.

Семейная пара неожиданно попала в пробку, едва нашла место на автостоянке и, несмотря на то, что выехала из дому вовремя, опаздывает.

Мужчина несёт складной стул, на руке женщины – перекинутая куртка-ветровка.

С правой стороны от дорожки – часть публики, сохраняющая должное уважение к искусству. Слева – любители визуальных развлечений. Им предстоит увидеть все нюансы процесса погружения солнца в воду. Всё рассчитано точно – полное исчезновение светила должно состояться в самом конце концерта – с заключительными нотами, что всегда сопровождается благоговейными рукоплесканиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.